

кризиса Никитин писал Янжулу: «Мы — словно на кружащейся платформе едем — вращаемся в кругу все одних и тех же ощущений: забастовки, погромы, подстрелы и расстрелы, разбои и бунты. Опять, как в прошлую зиму, пришлось запастись мукой, потому что бастовали булочные и кондитерские. Опять доехали мы до военных волнений в Севастополе и Кронштадте... Работают еще железные дороги, но больше месяца бастуют черноморские пароходы»³⁷². Деятельность III Государственной думы (1.11.1907–9.06.1912, пять сессий) была плодотворной: среди прочего она приняла новый Штат Академии наук. Время работы IV Государственной думы (15.11.1912–6(19).10.1917) пришлось на годы Первой мировой войны и Февральскую революцию 1917 г.

*Военный и полицейский постой
в академических дворах и зданиях*

Одним из способов выражения Академией наук своего отношения к происходившим событиям 1905–1907 гг. были протесты против военного и полицейского поста в ее помещениях. Определяющий голос в решении вопроса о допустимости в академических зданиях военного и полицейского поста принадлежал президенту Академии, который, как человек военный и государственный, твердо стоял на том, что предоставление казенных зданий для нужд властей, призванных охранять спокойствие граждан, в том числе и академиков, являлось прямым долгом государственного учреждения. Никитин стал своего рода посредником между академическим сообществом, президентом, городскими властями и правительством.

7 января 1905 г. по окнам Зимнего дворца стреляли со стороны Васильевского острова, и в зданиях Академии наук был произведен обыск. 9 января 1905 г. произошла страшная расправа над безоружной толпой. Отчаянные вспышки ярости рабочих произошли уже во вторую половину дня 9 января и вылились в попытки строительства баррикад. 10 января остановились все 625 предприятий столицы. Следующие несколько дней город был во власти казачьего и полицейского произвола. Уже 10 января во дворах и помещениях Академии наук в Таможенном переулке, а несколько дней спустя в здании Зоологического музея, разместились воинские и полицейские части. Был даже случай избияния сотрудника Академии. Директор Музея антропологии и этнографии академик Радлов наблюдал из окна музея сцену, которую описал в тот же день, 10 января, президенту Академии: «...вышел из ворот главного здания работающий в археологическом отделении музея действительный член Археологического

---

³⁷² ПФА РАН. Ф. 45. Оп. 2. Д. 725. Письмо П. В. Никитина И. И. Янжулу от 22.06.1907.

института В. И. Анучин, направляясь в здание этнографического отдела музея. Обойдя спокойно расположение эскадрона, на вопрос офицера — „Куда“, — он ответил, что идет по делу в музей, и направился по совершенно свободной от публики панели, но не успел он сделать и нескольких шагов, как, по приказанию другого офицера, оказавшегося поручиком Александром Павловичем Коцебу, крикнувшего солдату: „Проводи“, на него набросились два солдата, повалили на землю и стали бить. Когда же Анучин стал кричать: „Г-н офицер, за что меня бьют, ведь я иду в музей“ — офицер подбежал сам и крикнул: „Бей сильнее“. Спустя несколько минут г-н Анучин допелся в музей, после чего с ним был припадок истерики, от которого он едва успокоился»³⁷³. После этого инцидента Радлов распорядился закрыть музей.

Крайнее недовольство военным постоем в Зоологическом музее выразил директор музея Заленский. Возле «дома академиков» на углу набережной и 7-й линии тоже находилась рота Финляндского полка. Чтобы дать людям погреться, смотритель зданий Тулинов поместил их на лестнице; но жившие там академики Лаппо-Данилевский, Чернышев и Радлов потребовали, чтобы солдат убрали. Тогда Никитин устроил солдат на своей лестнице. Константин Константинович был зол на академиков³⁷⁴. 19 января президент в присутствии вице-президента Никитина и неперменного секретаря Ольденбурга указал Радлову и Заленскому на недопустимость противодействия размещению войск в зданиях Академии³⁷⁵.

В октябре и ноябре 1905 г. в Петербургском университете происходили крупные выступления студентов, и академические здания и дворы вновь заполнили военные и полицейские. Константин Константинович находился в это время в отъезде, а академики начали проявлять беспокойство и обращаться к Никитину с заявлениями принять меры к удалению войск.

---

³⁷³ ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 26. Л. 15–15 об. Константин Константинович провел расследование этого инцидента и выяснил следующее: «Приезжал ко мне командующий лейб-уланским полком полк. Орлов (по поводу избиения Анучина). Для меня было несомненно, что донесения пристрастны и односторонни, и что Анучин чем-либо сам навлек произведенное над ним насилие. Оказалось, что Анучин остановился перед эскадронам и стал его рассматривать. Такие остановки были запрещены и полицией, и строевым начальством, так как вели к нежелательному скоплению толпы. Анучин не захотел повиноваться, когда его вежливо попросили проходить. Ротмистру пришлось приказать двум солдатам его проводить, а когда Анучин стал упираться, то третий солдат дал ему тумака и сбил с него шапку. На землю его никто не валил, тому был очевидец. В Зоологическом музее пришлось целых 5 дней и ночей приютить роту Финляндского полка и директор музея не только не позаботился устроить их поудобнее, но даже обращался к ее командиру с упреками. Подлая тенденция»: ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 56. Л. 15 об.–16. Запись 15.01.1905.

³⁷⁴ Там же. Л. 17. Запись 16.01.1905.

³⁷⁵ Там же. Л. 26–27.

Никитин пытался отклонить эти просьбы, ссылаясь на то, что войска в случае опасности могут понадобиться и самой Академии, но в конце концов уступил настойчивым требованиям академиков прежде всего из опасения, что они, не найдя в нем как вице-президенте поддержки, напишут протест в газеты. Никитин обратился с конфиденциальными письмами к генерал-губернатору П. Д. Трепову (15 октября) и председателю Комитета министров С. Ю. Витте (18 октября), но от обоих получил отказ.

Между тем академики, ободренные выходом Манифеста 17 октября, 24 октября составили проект протеста, предназначавшегося широкой печати. На предложение присоединиться к протесту Никитин ответил: «По долгу службы, по совести и по убеждению не считаю для себя возможным подписать протест. Усерднейше просил бы и высокочтимых сочленов воздержаться от него»³⁷⁶. Поздно вечером 25 октября он получил посланную 11 академиками просьбу созвать экстраординарное собрание для обсуждения вопроса о военном постое. Никитин согласился, потому что в противном случае академики не исполнили бы его просьбу воздержаться от газетного протеста.

Экстраординарное собрание состоялось 27 октября и приняло постановление добиваться от генерал-губернатора удаления войск, а если тот не отменит своих распоряжений, то подать на него жалобу в Сенат³⁷⁷. Три академика, Никитин, Рыкачев и Розен, голосовали против этого постановления. Не согласившись с постановлением Общего собрания, Никитин не взял на себя его исполнение, и оно было поручено непременно секретарю Ольденбургу. Через несколько дней постановление появилось в «Руси». Ольденбург безуспешно пытался разузнать, кто мог передать документ в газету. В последующие 5 или 6 дней войск и полиции в Академии не было³⁷⁸.

Однако впоследствии наряды войск и полиции не раз появлялись в зданиях Академии. Никитин неоднократно передавал президенту жалобы служащих Академии на некорректное поведение военных. Однако академики требовали заведомо невозможного, и эти протесты вызывали только раздражение президента. В 1910 г. двор главного здания Академии вновь заняли пешие и конные полицейские отряды. В газетах заявлялось даже, что во дворе Академии находилась штаб-квартира полицеймейстера. Никитин в письме Константину Константиновичу посетовал на то, что власти

---

³⁷⁶ ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 27. Л. 81. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 6.11.1905.

³⁷⁷ Протоколы заседаний ОС. № 12. Заседание 27 октября 1905 г. § 216.

³⁷⁸ ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 27. Л. 77 об.–83. Документ публикуется в Приложении 2.

использовали для репрессий против студентов именно академический двор, а не находящийся по соседству с университетом манеж³⁷⁹. На это президент дал Никитину исчерпывающее разъяснение: «Уличные беспорядки, хотя бы производимые учащеюся или вернее не учащеюся молодежью, ни в коем случае не допустимы, и противодействие им должно встречать поддержку всех благомыслящих членов общества»³⁸⁰.

Никитин повел себя как опытный чиновник, согласившись на разумный компромисс с коллегами, лишь бы предотвратить нежелательный для Академии конфликт с правительством. Никитин вообще старался следовать золотому правилу: уступчивость лучше настойчивости, и обычно добивался благоприятного или, по крайней мере, приемлемого решения проблемы. И все-таки принципиальные расхождения Никитина с товарищами по Академии по вопросу, следует ли оказывать содействие властям в их борьбе с противозаконными (с их точки зрения) выступлениями или нет, привело к тому, что Никитин на время утратил нравственную связь с частью своих коллег и опору в них.

В Академии наук обсуждалась возможность предоставления помещений не только военным и полицейским. В 1908 г., после аннексии Австрией Боснии и Герцоговины, было предложено устроить в большом конференц-зале лекцию доцента Белградского университета Р. И. Кошутича на тему «Сербский народ и аннексия Боснии и Герцоговины». В правлении по этому вопросу произошел горячий спор: Радлов был за отклонение, Бородин, Фортунатов и Никитин стояли за разрешение. Никитин изложил суть расхождений следующим диалогом:

«— Никогда Академия не предоставляла своих зал для чтений, которые не сама она устраивала.

— Очень странно, что этого не случалось. Почему Академия наук может отдавать свое зало под выставки картин и статуй, и не может предоставлять его для чтений, так или иначе имеющих отношение к науке?

— Исполнение одной подобной просьбы повлечет за собой много других таких же. Академия должна будет или каждый раз обсуждать, угодно ли ей и удобно ли для нее предполагаемое чтение по своей теме и по другим обстоятельствам, или — позволять читать в ее зале всякому желающему. В том и другом случае возникнут для Академии значительные затруднения, а, может быть, и коллизии с полицейскими властями.

---

³⁷⁹ Там же. Д. 33. Л. 86–87. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 13.11.1910.

³⁸⁰ Там же. Ф. 36. Оп. 1. Д. 54. Л. 41–42 = Ф. 6. Оп. 1. Д. 33. Л. 89–89 об. Письмо Константина Константиновича П. В. Никитину от 16.11.1910.

— Теперь существуют определенные правила для публичных собраний. Предоставляя зал, Академия не дает разрешение на чтение и не берет на себя ответственности за то, что и как будет говорить лектор. Разрешение от подлежащих властей он должен получить сам и сам пред ними отвечать.

— Академию не следует путать в политику. Если в Академии будет прочтена лекция, протестующая против аннексии, то публика подумает, что против аннексии протестует Академия.

— Гораздо будет хуже, если отказ в помещении для такой лекции будет понят так, что Петербургская Академия сочувствует Австрийской аннексии.

Большинство трех голосов против одного склонялось к принятию такого постановления: разрешить, предупредив лектора, что Академия не может предоставить для чтения дарового освещения и больше того числа стульев, какое обыкновенно в зале находится, т. е. 240, и что в зал не может быть допущено более 300 слушателей»³⁸¹.

Радлов настаивал на том, чтобы свое согласие на проведение лекции дал президент. Никитин тоже признал это необходимым, потому что дело, по его словам, «имело некоторое отношение к современной иностранной политике, а в этой области для нас, академиков, темной и недоступной, бывали в последнее время такие поразительные примеры порождения ничтожнейшими причинами тяжеловеснейших последствий, что — надо согласиться — чем больше будет обдумано с разных точек зрения и это, по-видимому, незначительнейшее дело, тем, по всей вероятности, будет лучше»³⁸². «По своему же лично опыту я знаю, — писал Никитин, — как трудно сохранять хладнокровие, когда думаешь о том, о чем хочет говорить в Академии этот лектор»³⁸³. Константин Константинович присоединился к мнению Радлова и отклонил просьбу о предоставлении зала для посторонних Академии чтений³⁸⁴. Казалось бы, Никитина можно упрекнуть в непоследовательности: почему он изменил своему принципу невмешательства политики в академическую деятельность и не возражал против проведения лекции на злободневную политическую тему? По-видимому, это был тот редкий случай, когда Академия наук по крайней мере формально могла дистанцироваться от содержания научного сообщения, и это обстоятельство позволило Никитину высказать не мнение *ex officio*, а мнение гражданина.

---

³⁸¹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 30. Л. 54–55. 26 октября 1908 г.

³⁸² Там же.

³⁸³ Там же. Л. 55.

³⁸⁴ Там же. Л. 56.